

СУДЬБА ПИТОМЦА МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДОКТОРА С.Ф. ВЕРБОВА (1883-1976)

К.К. Васильев

Сумской государственной университет, Украина

РЕЗЮМЕ

Впервые освещается жизнь и деятельность доктора С.Ф. Вербова. С 1920 г. он жил в Германии, а с середины 1930-х годов во Франции. В своих воспоминаниях, изданных в Париже, он рассказал и о Харьковском университете периода первой русской революции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Харьковский университет, медицинский факультет, врач, биография, история

Исполняется 200 лет Харьковскому университету (ХУ). В связи с этим представляет интерес обратиться к его истории, к неизвестным страницам прошлого медицинского факультета ХУ, привлечь источники, которые в советский период нашей истории не могли быть использованы. К таким источникам относятся воспоминания выпускника 1909 г. медфака ХУ Сергея Федоровича Вербова. Не безынтересно и проследить жизненный путь мемуариста, ставшего эмигрантом первой волны.

Он опубликовал в Париже три книги воспоминаний: «По Днепру через пороги» [1], «На врачебном посту в земстве» [2] и «Люди, пути и тропы» [3]. Первая книга об эпизоде из жизни выпускника Екатеринославской гимназии - путешествии с друзьями через Днепровские пороги. Во второй описываются студенческие годы и работа земским врачом. В последней книге рассказана история жизни семи интеллигентов. Их крестный путь начался по-разному, но все они оказались в Париже. С. Вербов пишет о себе в 20 и 21 главах этой книги и выводит себя под именем Алексея Семеновича Никудышина - «доктор, он же писатель».

Родился Сергей (или Самуил, а на французский манер Самуэль, а второй вариант отчество - Фриделевич) Вербов во время отдыха родителей на Лазурном берегу в Ницце. Его отец юрист к моменту появления на свет автора воспоминаний был принят в сословие присяжных поверенных и начал самостоятельную практику в Москве. А учился Сережа уже в гимназии в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск).

Днепр в его воспоминаниях предстает перед нами в том виде, каким он был до постройки в 1932 г. Днепрогэса, в водохранилище которого исчезли знаменитые Днепровские пороги, то есть, то 70-ти верстное протяжение Днепра начинавшиеся у Екатеринослава и заканчивавшиеся у Александровска (ныне Запорожье). «Повеяло „Дніп-

ром ревучим”, просторами Украины, всем ее прошлым, стародавним, таким красочным». Так отозвался о книге «По Днепру через пороги» в парижском журнале «Возрождение» Н. Клименко [4].

Два брата С. Вербова были врачами [5]. Возможно, следуя их примеру, Сергей решил стать врачом. Гимназистом Сережа дважды провел несколько недель у брата - земского врача Воронежской губернии в селе Тишанка. С. Вербов поступил на медицинский факультет ХУ в 1903 г. и его студенческие годы были, как он пишет, «на стыке двух эпох». Он был старостой на курсе, активно участвовал в студенческом движении. В воспоминаниях подробно описал участие харьковских студентов в первой русской революции.

С.Ф. Вербов пишет, что тогдашний «университет отражал, естественно, конечно в миниатюре, все оттенки и разновидности политических программ и установок различных классов и общественных слоев.» [2, с. 36] «И не будет преувеличением сказать, что вряд ли на всей необъятной русской шире нашлась бы одна политическая мысль, которая не имела бы своего голоса или, по меньшей мере, подголоска <...> в стенах нашего университета.» [2, с. 37]

«Достаточно было в вечерний час пройтись по университетским коридорам и лишь прочитав объявления на дверях аудиторий, чтобы понять, сколько в те времена расцвело и народилось объединений, партийных фракций, партий, враждовавших между собой, до крайности часто нетерпимых, в большинстве, впрочем, желавших все же хотя и „врозь идти, но вместе бить”.» [2, с. 36]

Были социал-демократы с едва народившимися к тому времени группой большевиков. И социалисты-революционеры «<...> на бурных митингах в химической аудитории, собиравших „весь университет”, оперируя цитатами из Михайловского и Чернова, с

трудом отстаивали свои позиции от нападок социал-демократов, нападков, уснащенных остроумными, заимствованными преимущественно у Плеханова, к вящему удовольствию аудитории.» [2, с. 36]

«Но это были академические диспуты по сравнению с атмосферой выступлений украинцев или кавказцев.

Украинская „фракция” насчитывала, по видимому, столько группировок, соперничавших и друг с другом, сугубо несогласных, сколько выступало на митинге ораторов.

Прения велись по-русски, по-украински и на „наречии”, непонятном даже большинству украинцев, на котором говорили „галичане”, притом со страстностью, обычной разве у испанцев или итальянцев и совершенно не свойственной этому народу. Митинги часто затягивались так поздно, и атмосфера накалялась до того, что сторожа тушили свет и, если это не помогало, то вызывали ректора, который и объявлял собрание закрытым. С украинцами по количеству враждовавших фракций и по темпераменту ораторов могли вполне соперничать кавказцы.» [2, с. 36-37]

В 1905/06 учебном году университет был закрыт. В это время Сергей Вербов, к тому времени студент второго курса, работал в Екатеринославской губернской земской больнице в отделении по внутренним болезням.

Из профессоров он пишет об Алексее Константиновиче Белоусове (1848-1908) [2, с. 9-11, 34, 112]. О нем: «<...> большой ученый, прекрасный лектор и замечательный художник. Читает профессор всегда с увлечением, и с не меньшим увлечением его слушают студенты, всегда в комплекте на лекции по анатомии.» [2, с. 10] О физиологе проф. Василии Яковлевиче Данилевском (1852-1939) [2, с. 34-35]. «Чистенький, кругленький старичок в очках, с живым, проникновенным взором, всегда надушенный сиренью, в полинялом, почтенного возраста вицмундире, он, единственный из профессоров, пользовался и уважением, и любовью своих учеников. Его лекции всякий раз открывали нам, воспитанникам гимназий, не имевших никакого представления о естественных науках, новую страничку жизни, и мы выслушивали эти лекции с живейшим, можно сказать, захватывающим интересом.» [2, с. 35] Упоминает он также патологоанатома проф. В.П. Крылова (1842-1906) [2, с. 11-12], фармаколога проф. С.А. Попова (1849-1920) [2, с. 34] и анатома прозектора В.П. Воробьева (1876-1937) – «<...> талантливый преподаватель и очень симпатичный человек» [2, с. 11], впоследствии ставшего профессо-

ром. О последнем рассказывает, что из эмиграции, а был профессор в 1919-1921 гг. заведующим кафедрой в Софийском университете в Болгарии, он возвращался на родину через Берлин, где автор с ним встречался. [3, с. 428]

Май 1909 г. Окончен медфак. Садик при загородном ресторане в Харькове. Сто пятьдесят новоиспеченных врачей празднуют свое посвящение в лекаря. «Внешне мы еще студенты, все в форменных тужурках, сюртуках; лишь у немногих красуется на груди прикрепленный кое-как университетский знак: под сенью орла, у ног его, две змейки пьют из „неупиваемой чаши”». [2, с.7] Первый тост, как неизменный староста на курсе в течение всего времени пребывания в стенах университета, провозгласил Сергей Вербов. Тост этот, как того требует традиция, за Alma mater. И сто пятьдесят голосов с теплым чувством повторили этот клич: „За нашу Alma mater!”. Закончились студенческие годы и С.Ф. Вербов отправился в Саратовскую губернию, где в 1910-1911 гг. работал земским врачом.

Сначала три месяца в деревне Сосновки Вольского уезда на эпидемии скарлатины, а затем в селе Ивановке Балашовского уезда. Об опыте применения противоскарлатинозной вакцины опубликовал статью [6]. После этого поехал в Петербург для пополнения своих знаний в Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны. В 1912 г. там же стал ассистентом проф. Н.А. Михайлова (1860 - ?) по кафедре урологии. Под руководством профессора занимался изучением клиники, серотерапии и вакцинотерапии гонореи, о чем им были сделаны сообщения в научных обществах Петербурга и опубликованы статьи [7, 8, 9].

Участник Первой мировой войны. Служил врачом в Кавалергардском полку, оказавшись, таким образом, «среди цвета военной русской знати». [3, с. 351] После контузии, последствия которой затруднили верховую езду, был переведен в полевой госпиталь. В 1918 г. был демобилизован, но в Петрограде снова был мобилизован уже в Красную армию. После поражения красных под Варшавой, для того чтобы избежать плена, вместе с отступающими войсками пересек польско-немецкую границу и, так оказавшись в Восточной Пруссии, был интернирован немцами (в 1920 г.). В Берлине в советском «Бюро военнопленных» был принят на должность заведующего санитарным отделом этого бюро, где и оставался до репатриации интернированных на родину (ушел из бюро до начала 1922 г.). «Незадолго» до увольнения принял возвращавшегося

на родину проф. Воробьева, который на попытку разведать, что заставляет его покинуть эмиграцию, уклонился от ответа. [3, с. 428]

С.Ф. Вербов не вернулся на родину, он остался в Германии, где в течение тринадцати лет работал ассистентом клиники францисканского ордена у проф. Леопольда Каспера (L. Casper, 1859-1959) и одновременно занимался частной практикой как врач-уролог. В середине 20-х годов в Германию с докладами приехала группа советских профессоров - Бурденко, Богомолец, Плетнев и др. Лекция проф. Н.Н. Бурденко (1876-1946) пишет доктор Вербов «оставила слушателей в неведении». Рядом сидевший врач спросил его, на каком языке докладчик говорит. «Бурденко читал по-немецки написанный текст, но никто не сказал бы, что он читает по-немецки. Так для слушателей осталось неизвестным, что именно хотел сказать докладчик.» [3, с. 434] Тема лекции проф. А.А. Богомольца (1881-1946) о роли соединительной ткани настолько была революционной, что немецкие врачи не поняли ее значения и отнеслись «сугубо отрицательно». [3, с. 434]

Первым же из приехавших выступил проф. Д.Д. Плетнев (1871-1941) с лекцией „Об удалении ganglion stellatum при грудной жабе“. «На безупречном немецком языке, ни разу не заглянув в бумажку, он приковал к себе в течение двух часов внимание врачей, заполнивших большой зал до отказа. Председательствующий на заседании проф. Бергман, одновременно с Плетневым бывший когда-то стажером проф. Сенатора в Берлине, назвал „фокусом“ подобную лекцию на память с такой исключительно богатой литературой.» [3, с. 433] С уроженцем села Московский Бобрик нынешней Сумской области проф. Плетневым («небольшого роста, энергичный») [3, с. 434]) С.Ф. Вербов столкнулся в Мариенбаде спустя несколько лет после его выступления в Берлине, когда тот возвращался из Гамбурга, где читал лекции о заразных болезнях. «Ничего не предвещало тогда его преждевременной мученической смерти по нелепому обвинению участия в заговоре против жизни Горького.» [3, с. 434] Автор пронизательно понял, что «жизнь проф. Плетнева понадобилась Сталину, чтобы покрыть собственные преступления». [3, с. 434]

В Берлине одним из пациентов доктора Вербова был гетман П.П. Скоропадский – «бригадный командир 1-ой Гвардейской дивизии, с которым в Кавалергардском полку в первые месяцы мне часто приходилось встречаться.» [3, с. 432]

«<...> я по старинке подобрался, повернулся в сторону генерала и, не зная как его величать, обратился, как это полагалось в Красной Армии, только вместо товарища „Господин Генерал“. Гетман даже вздрогнул, но всмотревшись тут же признал меня, обнял, усадил и стал расспрашивать о Красной Армии, о польском походе, о Тухачевском и, между прочим, сообщил, что и сам хотел бы обратиться ко мне за советом.» [3, с. 432-433] Описываемое событие произошло приблизительно в 1922 г., а Павел Скоропадский с семьей в начале 20-х годов жил в своем доме в западном предместье Берлина Ваннзее (Wannsee). Как пациента доктор Вербов принимал затем гетмана в клинике францисканского ордена. «Могу сказать, что когда Скоропадский с телохранителем появился в клинике, весь наш этаж был как бы на военном положении: двери всех комнат были на запоре. Наши повторные свидания с гетманом были строго деловыми. Однажды лишь гетман попросил меня устроить в клинику его дочь, окончившую в Швейцарии медицинский факультет. Я не успел исполнить его просьбы, как узнал, что эта дочь выходит замуж за итальянского графа <...>» [3, с. 433] (Мария Павловна Скоропадская /1898-1959/, получившая высшее образование в Лозанне, была повенчана с графом А. Монтрезор.)

Да, а первая встреча произошла при следующих обстоятельствах. «Как-то я был вызван к больной. Молодая дама лежала в большой комнате с полуоткрытыми ставнями, и комнату в отдалении все время мерил большими шагами не проронивший слова высокий, стройный человек. Фамилия дамы была Коростовец, и по окончании консультации я спросил, не является ли ее муж участником украинского движения? Больная подтвердила это и по особому, мне показалось, взглянула в сторону шажавшей тени. Луч света осветил ее лицо и в тот же миг я увидел генерала Скоропадского <...>. Попрощавшись с пациенткой, я по старинке подобрался <...> (продолжение цитаты см. выше – К.В.)» [3, с. 432] Кем была «молодая дама» Коростовец в жизни гетмана гадать не буду, а его супругой на самом деле была А.П. Скоропадская, урожденная Дурново (1878-1951), как видим в то время уже не молодая особа.

В Берлине доктор Вербов был членом Общества русских врачей. Так в 1928 г. и 1930 г. на заседании этого общества он делал доклады. Второе его сообщение было о клинике туберкулезного нефрита [10]. В 1931 г. он был избран в члены ревизионной комиссии общества [11]. Опубликовал статью о

лечении воспалений мочевого пузыря [12].

В фашистской Германии доктор Вербов не остался и приблизительно в 1935 г. переехал в Париж, где был частнопрактикующим врачом. Одним из первых выдающихся русских парижан, с которым, как врачу, пришлось ему столкнуться, был композитор Глазунов (1865-1936). *«Тяжело больной, он сохранял полную ясность мысли и особенно, вовсе не свойственную обычно таким больным, беспечность и добродушие. Далеко зашедший почечный склероз с большим количеством мочевины в крови означал, по тому времени, конечную стадию долгого почечного заболевания с неизбежным фатальным исходом в недалеком будущем. Больной, однако, не только сохранял удовлетворительное общее состояние, но, настроенный оптимистично, не докучал врачу вопросами о своей болезни и охотно беседовал на темы отнюдь не медицинские.»* [3, с. 470] К сожалению, А.К. Глазунов имел известную привычку - *«Он беспрекословно подчинялся врачебным предписаниям, весьма сложным в его состоянии, но, со своей стороны, требовал от врача уважения к усвоенным им издавна привычкам и послужившим, очевидно, причиной его заболевания. Главным из этих обыкновений было неумеренное потребление им алкоголя. На расстоянии его руки, на столике находилось главное его лекарство, дававшее ему чувство эйфории – бутылка коньяку и он *ad libitum* (по собственному усмотрению – К.В.) делал из него пусть и умеренное теперь употребление. Не было смысла лишать его этого средства в момент, когда единственно речь могла идти об утолении его страданий.»* [3, с. 470-471]

Одновременно с Глазуновым, пишет межуарист, появилась на его врачебном горизонте писательница Н.А. Тэффи (1872-1952). Вот небольшая цитата: *«Переживания военных лет (Второй мировой войны – К.В.) содействовали появлению у Тэффи поначалу редких и легких, с течением времени становившихся все более длительными и тяжелыми сердечных припадков. Это заболевание требовало спокойной жизни, но Тэффи была не только писательницей, но и артисткой. Выступать, читать перед так понимавшими и ценившими ее почитателями свои рассказы, разыгрывать скетчи было ее страстью. Не раз с морфием наготове я сидел в публике и в вынужденном антракте должен был ей делать впрыскивание, чтобы она могла закончить свое выступление. Тэффи отдавала себе хорошо отчет, что означали и чего требовали эти повторявшиеся боли в сердце, но это нисколько не удерживало ее от выступлений и не огорчало. Со смертью*

она сжилась, как с давним неизбежным другом. С особым удовлетворением и охотой она декламировала свое стихотворение, изображавшее ее в гробу в белом платье с алой розой на груди и всеми атрибутами мира и покоя. Я находил ее всегда одетой и тщательно причесанной, как и в последний раз за несколько минут до смерти. Она лежала с почти неизменившимся лицом, с алой розой на груди, слегка, будто, улыбаясь.» [3, с. 475]

О И.А. Бунине (1870-1953): *«С Бунинным мне пришлось столкнуться в последние годы его жизни <...> Не таков был Бунин, чтобы кому-либо доверить свои мысли или, паче чаяния, соборно исповедаться. Следовало лишь видеть, с каким непрístupным выражением лица лежал этот академик, лауреат Нобелевской премии, в небольшой, запыленной комнате, обогревавшейся примитивной печкой, на неприбранной постели в заношенном пальто и шапке... Соответственно выражению лица был и голос, генеральская манера говорить, исключавшая всякую интимность. Громогласное „Вера“ – время от времени гулко раздавалось, как команда, в большом коридоре почти пустой квартиры. На зов являлась Вера Николаевна, с лицом покойницы, давно уже отдавшая всю себя требовательному своему супругу. Само собою разумеется, что врачу здесь предлагалось только покалеченное временем и переживаниями тело, а нутро, духовный мир, оставался за семью печатями.»* [3, с. 475-476] *«Бунин страдал от немощей, связанных со старостью, не столько угрожавших жизни, сколько отравлявших существование, из коих наиболее существенной являлась анемия, вызванная повторными кровотечениями.»* [3, с. 476] *«Наше короткое с Бунинным общение оборвалось вдруг, так как я вынужден был покинуть временно Париж.»* [3, с. 477].

В Париже С.Ф. Вербов принимал активное участие в работе Общества русских врачей им. Мечникова. Его фамилию с указанием адреса и телефона мы находим в списках членов этого общества в справочнике «Русские во Франции»: «Вербов С.Ф. – болезни почек и мочевых путей. 26, rue de la Faisanderie (16^e). Тйл.: Klйber 94-54» [13]. В 1937 г. на заседании Общества он сделал сообщение «К вопросу о сужении уретры». В 1939 и 1940 гг. читал лекции на общедоступных курсах медицинских знаний, организованных тем же Мечниковским обществом. В 1946 г. им прочитан доклад «Патогенез и лечение туберкулеза почек в свете новых данных», в 1948 г. - «Невроз, его патогенез и лечение», «Впечатления об Америке и аме-

риканской медицине» и «Рак предстательной железы и его консервативное лечение», в 1954 г. - «Трудности диагноза и особенности лечения рака простаты», в 1956 г. - «О современном лечении туберкулеза почек». Неоднократно избирался членом ревизионной комиссии Общества (1946-1948, 1956, 1961 гг.) [14].

В 1976 г. С.Ф. Вербов скончался и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом со

второй супругой Софьей Борисовной Вербовой (1894-1970) [15].

Из всего вышесказанного видно, что воспоминания Сергея Федоровича Вербова являются ценным источником, как для истории Харьковского университета, так и для истории отечественной медицинской интеллигенции XX века. Раздел „Студенческие годы” (с. 5-42) воспоминаний «На врачебном посту в земстве» хотелось бы видеть переизданными Харьковским университетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербов С.Ф. По Днепру через пороги. (Из воспоминаний). - Париж. - 1956. - 161 с.
2. Вербов С.Ф. На врачебном посту в земстве. - Париж. - 1961. - 330 с.
3. Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы. (Клуб запатриных интеллигентов). - Париж. - 1970. - 501 с.
4. Клименко Н. Рецензия на книгу С.Ф. Вербова «По Днепру через пороги» // Возрождение (Париж). - 1960. - Тетрадь 105. - С. 123.
5. Яков Федорович Вербов (1871-1930) – в 1895 г. окончил ХУ, работал земским врачом в Воронежской губернии, а с 1903 г. в Петербурге. Алексей Федорович Вербов (1873-?) – в 1898 г. получил диплом лекаря, служил земским врачом в Бобровском уезде Воронежской губернии.
6. Вербов С.Ф. // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. - 1910. - № 1. - С. 9-25.
7. Вербов С.Ф. // Врачебная газета. - 1911. - № 31. - С. 1007-1008; и - № 32. - С. 1035-1037.
8. Вербов С.Ф. // Новое в медицине. - 1912. - № 11. - Стб. 642-649.
9. Вербов С.Ф. // Русский врач. - 1914. - Т. 13. - № 30. - С. 1043-1046; и - № 31. - С. 1081-1086.
10. Cronik russischen Lebens in Deutschland 1918-1941 / hrsg. Von Karl Schlügel und u.a. - Berlin, 1999. - S. 338, 418.
11. Общество русских врачей // Руль (Берлин). - 10.04.1931. - № 3152. - С. 6.
12. Werboff S. // Русско-немецкий медицинский журнал. - 1926. - № 12 (15). - С. 775-786.
13. Список членов Общ. русских врачей им. Мечникова // Русские во Франции. - Париж. - 1937. - С. 74.
14. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. - М., 1996. - Т. 3. - С. 323, 535 и 605; Париж-Москва. - 2000. - Т. 5. - С. 130, 136, 183, 241, 246, 278, 281, 621; Париж-Москва. - 2000. - Т. 6. - С. 143, 479.
15. Grezine I. (Грезин И.И.). Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. - Paris. - 1995. - С. 61.

ДОЛЯ ВИХОВАНЦЯ МЕДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ ІМПЕРАТОРСЬКОГО ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ДОКТОРА С.Ф. ВЕРБОВА (1883-1976)

К.К. Васильєв

Сумський державний університет, Україна

РЕЗЮМЕ

Вперше освітлюється життя та діяльність доктора С.Ф. Вербова. З 1920 р. він жив у Германії, а з середини 1930-х років – у Франції. У своїх спогадах, надрукованих у Парижі, він розповів і про Харківський університет періоду першої російської революції.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: Харківський університет, медичний факультет, лікар, біографія, історія

THE GRADUATOR'S FORTUNE OF MEDICAL FACULTY OF KHARKOV IMPERATOR UNIVERSITY NAMED AFTER DR. S.F. VERBOV (1883-1976)

К.К. Vasylyev

Sumy State University, Ukraine

SUMMARY

The doktor S.F. Verbov life and activities has been lighted for the first time. Since 1920 he lived in Germany and since mid – 1930-ies in France. In his recollections published in Paris he told about Russian emigrants' life. In his recollections published in Paris he told about Kharkov University during the first Russian revolution period.

KEY WORDS: Kharkov university, medical faculty, physicist, biography, history